

Чжунли Цэ сказал: «Не приди я — ты бы сам себя угробил. Ты думаешь, кто ты такой, чтобы тягаться с таким полководцем?»

Чжао Хэн отстранился: «Оставь меня».

«Если я оставлю, о тебе и правда никто не позаботится, — отрезал Чжунли Цэ. — Разве Сяо И позаботился бы?»

Эти слова словно гвоздём вбили Чжао Хэна в землю. Он вдруг осознал: когда он хотел узнать это имя, никто не говорил его. А теперь, когда он слышать его не хотел, все, казалось, только о нём и твердили.

Голос Чжао Хэна потерял твёрдость, в нём звучала издевка, обращённая на самого себя: «Или уходи, или оставайся. Мне до тебя нет дела».

«Ты действительно жизни не рад?» — спросил Чжунли Цэ.

«Я хочу положить конец этой войне», — ответил Чжао Хэн.

Чжунли Цэ смотрел на него, как на безумца. «Ты кто вообще такой? Так не умирают. Когда-нибудь наступит мир, и реки станут чистыми. Не делай глупостей».

Чжао Хэн опустил взгляд. «Лекари говорили, я не доживу до совершеннолетия. Я благодарен за каждый лишний день. Так что не трудись».

«Какой-то шарлатан-самоучка, — фыркнул Чжунли Цэ. — Врёт, конечно».

Чжао Хэн посмотрел на него странно, и в голосе его прозвучало почти облегчение. «Спасибо. И не думай обо мне».

Глаза Чжао Хэна налились кровью. Сжимая длинный меч, он ощутил нечто новое. Раньше он знал лишь, что силён. Теперь же будто недостающая часть вернулась к нему, даруя власть над чужими жизнями. Он чувствовал себя неуязвимым, несокрушимым. С пылающими глазами, с огромным мечом в руках, он был подобен асуре. Враги в ужасе отпрянули. Полководец, не понимая, откуда взялся этот убийца, поспешно заслонил собой знатного господина. Их клинки скрестились; где они проходили, вздымалась пыль, камни летели в стороны, ветер свистел в ушах. В конце Чжао Хэн пошёл на подлость: он рванулся к человеку в роскошных одеждах. Полководец на мгновение дрогнул, и этого мига хватило — Чжао Хэн вонзил в него тот самый отравленный сюрикэн.

Знатный господин смотрел со страхом, когда Чжао Хэн двинулся на него. Вдруг его лицо исказилось от изумления. «Так ты не умер! — воскликнул он. — Такое обличье... ты и правда не смертный! Где Фэн Линхуэй? Я не верю в её кончину! Даже если она и впрямь была демоном, я хочу её найти!»

Чжао Хэн резко остановился. Его взгляд стал странным. «Так это ты... — медленно проговорил он. — Но она обрела покой там, где и должна была».

Чжунли Цэ не понимал, отчего Чжао Хэн говорит такие странные вещи. Он увидел, как красный свет в его глазах погас, а само тело рассыпалось прахом и рассеялось в воздухе.

Янь Ся проснулся. На улице шёл дождь, небо было хмурым. Юнь Сяо дремала, и Янь Ся спросил её: «Я историю плохо знаю. Скажи, кто в конце концов объединил Поднебесную?»

Юнь Сяо удивилась его вопросу. «Предок-император Чжунли Цэ, — тихо ответила она. — Он умел выжидать. Пока все остальные дрались за титулы и называли себя князьями, он таился. А когда они перегрызлись, его армия неожиданно вышла вперёд и всё завоевала».

«Значит, войну прекратил он», — подумал Янь Ся.

Шэнь Юй бесшумно спустился с балки. Янь Ся посмотрел на него странно. Шэнь Юй проигнорировал этот взгляд и сказал: «Мне нужно отлучиться. Встретимся в месте перед заставой, на границе с землями за Великой стеной».

Янь Ся был потрясён. С тех пор как они встретились, они никогда не расставались. При людях он не стал ничего говорить, но, выскочив из постоянного двора, нигде не нашёл Шэнь Юя.

«Ты понимаешь?» — раздался девичий голосок.

Янь Ся обернулся — или, вернее, тело, в котором он пребывал, обернулось. Перед ним стояла девочка лет девяти-десяти, очень милая, с невинными глазами и пухлыми щёчками. На ней было платье цвета яичного желтка. В её глазах отражался облик этого тела — мальчик её же лет, правильных черт, но бледный. Девочка, не дождавшись ответа, повторила: «Ты понимаешь, что говорят звёзды?»

Стояла глубокая ночь, всё вокруг замерло, а небо было усеяно россыпью светил. Мальчик ответил с серьёзным видом: «Не знаю. Просто смотрю».

Девочка фыркнула и рассмеялась: «Папа говорит, у каждой звезды свой путь, и они могут многое рассказать. Жаль, я не умею их читать».

«Я просто смотрю, — сказал мальчик. — Без всяких глубоких смыслов».

«Забавный ты, — улыбнулась девочка. — Меня зовут Фэн Линхуэй. А тебя?»

«Жун Би», — ответил мальчик.

Фэн Линхуэй удивилась. «Твоё имя... очень красивое».

Жун Би вдруг улыбнулся. «Спасибо».

«За что спасибо?» — не поняла она.

«Ты первая, кто отнёсся к моему имени с уважением, — объяснил он. — Остальные... ну, ты понимаешь».

Фэн Линхуэй игриво высунула кончик языка. «Оно немного... девичье».

«С рождения я был слаб, — сказал Жун Би. — Старшие побоялись, что рано умру, вот и дали такое имя, чтобы судьбу обмануть».

Фэн Линхуэй засмеялась, стараясь говорить по-взрослому: «Взрослые всегда так, детям не понять». Они оба рассмеялись.

Насмеявшись, Жун Би сказал: «А ты молодец, как ловко получилось».

Голосок у Фэн Линхуэй был мягкий, но выражение лица гордое. «Да ничего особенного».

«Я бы так не смог, других изображать», — признался Жун Би.

«А я думаю, ты молодец, — заулыбалась Фэн Линхуэй. — Я долго это место искала, а ты тут уже который час».

«Взрослые пьют, шумят, — сказал Жун Би. — Скругом уйдут, а за нами служанки присмотрят».

Фэн Линхуэй огляделась и надулась. «Не люблю, когда они за мной ходят. Но они всегда где-то тут, смотрят».

Потом она сменила тему: «Взрослым хорошо — куда хотят, туда и идут, и никто за ними не следит».

«Вырастем — и нам не будут мешать», — сказал Жун Би.

Фэн Линхуэй уверенно кивнула: «Да! Я обязательно быстро вырасту!»

Жун Би усмехнулся, огляделся и наклонился к уху Фэн Линхуэй: «А кое-что мы можем сделать и сейчас».

Фэн Линхуэй широко раскрыла глаза.

«Мы можем от них улизнуть», — прошептал Жун Би.

Фэн Линхуэй взглянула на его хитрые, полные задора глаза и поняла — нашла единомышленника. Она ответила понимающей улыбкой.

Они пошли вперёд. Пройдя немного, Фэн Линхуэй вдруг сделала вид, что споткнулась, и с плачем растянулась на земле. Мигом появились служанки, подняли её. Фэн Линхуэй, всхлипывая, жаловалась, что больно. Одна из служанок побежала за лекарем. Тогда девочка заныла, что хочет леденцов на палочке. Служанки переглянулись в растерянности — в усадьбе такого не водилось. Видя, что Фэн Линхуэй вот-вот разревется вовсю, они молча договорились взглядами, и двое ушли. Когда осталась лишь одна, Жун Би вдруг крикнул: «Папа!»

Служанка мгновенно обернулась и опустилась на колени: «Приветствую генерала!»

В тот же миг Жун Би ловко ткнул её в определённое место. «Очнёшься меньше чем через время, за которое сгорает одна палочка благовоний. Мы скоро вернёмся».

И они стремглав бросились прочь. По пути им попадались другие дети со служанками, но те лишь мельком глянули на них, не придав значения. Они шли всё дальше, пока не скрылись из виду.

Затем они помчались к одному из дворов. Людей там Жун Би знал. «Отец нас прислал, — сказал он привратнику. — Помоги скрыть».

Тот нахмурился, но пропустил молодого господина, а на вопросы лишь отмалчивался. Во дворе было пусто, лишь одна дверь в дальнем конце была плотно закрыта.

«Какая ты умница, — шёпотом сказал Жун Би, пробираясь дальше. — Как ты их всех провела!»

«Я дома часто так делаю, — тоже шёпотом призналась Фэн Линхуэй. — У меня мачеха есть, всё меня донимает. Как начнёт — я сразу в слёзы. Но и ты не подвёл».

«Я не так хорош, — скромно ответил Жун Би. — Просто изо всех сил старался не рассмеяться».

Фэн Линхуэй расплылась в улыбке от таких похвал, но потом нахмурилась. «Мы, кажется, далеко зашли».

«Я дорогу помню», — заверил её Жун Би.

Фэн Линхуэй подумала и махнула рукой. «Ладно. Куда бы мы ни пошли, главное — от них сбежали».

Жун Би многозначительно сказал: «Тебе они тоже надоели».

<http://bllate.org/book/16277/1465534>